

Роль культурного наследия России в формировании образа русского самодержавия в XIX — XX вв.: символика московского дискурса власти

Т. В. Растимешина

Национальный исследовательский университет «МИЭТ»

Показано активное применение в политике России в конце XIX — начале XX в. актуализационных подходов к эксплуатации культурного наследия. Раскрыто постепенное оформление основной политической функции культурного наследия — укрепления историко-символических (в первую очередь сакральных) оснований легитимности политического режима. Акцентировано внимание на том, что политическая актуализация культурного наследия церкви проявляется в те периоды политического развития, когда интересы сохранения государственной власти, единения общества и власти требуют укрепления сакральных и народных оснований ее легитимности.

Ключевые слова: культурное наследие; церковь; государство; монархия; легитимность; идеология; историцизм; историцистская схема; нациестроительство; официальная народность; народная монархия; православие; самодержавие; народность.

Впервые актуализационные (инновационные) подходы к политике эксплуатации и охраны культурного наследия в России стали неотъемлемой частью идеологии «официальной народности», в которой была воплощена попытка объединить национальные идеи и западные инновации таким образом, чтобы миф об императоре-европейце дополнялся национальным характером самодержавия в России. Николай I выказывал желание и готовность, с одной стороны, «отмежеваться» от западной ориентированности, избежать «громоздких» и «продажных» парламентских институтов, с другой стороны, создать «дополнительный национальный фундамент» для монархической власти [1].

Идеологической базой проекта «национального фундамента» стала концепция «православие — самодержавие — народность», *доктрина официальной народности*. Русская монархия,

приняв эту доктрину за основу политики нациестроительства, фактически оторвалась от интернационального по своей сущности типа мировоззрения Просвещения, «которому ранее принадлежала определяющая роль в идеологии и образном дискурсе власти» [2, с. 235; 3]. Российская монархия в этом концепте рассматривалась как развивающаяся линейно, в соответствии с моделью Н. М. Карамзина, выполняющая роль спасителя России на трудных этапах ее истории и предводителя на пути к ее государственному величию.

Поэтому, несмотря на то, что Николай I, как замечал А. де Кюстин, «даже по крови более немец, нежели русский» [4, с. 180], в риторике, архитектуре, политике охраны культурного наследия, в деталях государственных церемоний стали воспроизводиться элементы новой национальной идеи. Даже официальное объяснение подавления декабрьского

мятежа 1825 г. базировалось на идее, что русский народ, обладающий особым духом преданности монархии, сохранил верность царям. Николай I также положил начало новой церемониальной традиции, которая стала важным звеном всех последующих коронаций: трижды поклонившись подданным с Красного крыльца, он выразил любовь и преданность своему народу [5], подчеркнув тем самым исконно народный характер самодержавной власти.

В упрочении легитимности самодержавия посредством создания и прокламации национальной идеи, а также ее включения в имперскую идеологию приняли активное участие писатели и ученые, печатавшиеся в журналах «Северная пчела» и «Москвитянин». В частности, в 1832 г. М. П. Погодин утверждал, что русский народ, в отличие от подданных европейских монархов, сам пригласил варягов для осуществления верховной власти, с тем чтобы не только повиноваться, но и любить своих монархов. Тем самым он доказывал, что российское самодержавие имело народные корни [6].

Немаловажно, что национальная идея российской монархии в концепции «православие — самодержавие — народность», изложенной графом Уваровым, образует идеологическую базу в первую очередь не сакральной, а *утилитарной легитимности русского самодержавия*. В этой парадигме легитимности монархия понималась не как продукт «божественного откровения», а как общественный институт, положенный в основу российской государственности для обеспечения процветания империи и благоденствия русского народа.

Православие рассматривалось с точки зрения не столько теологического подхода, сколько утилитарного, как «залог счастья общественного и семейного» [7,

с. 3]. В новой концепции национальной идеи подданный царя, преданный своему монарху и отечеству, «столь же мало согласится на утрату одного из догматов нашего *православия*, сколь и на похищение одного перла из венца Мономахова» [7, с. 3]. Нетрудно заметить, что в иерархии ценностей, присущих подданному, в соответствии с концепцией, неприкосновенность венца Мономаха главенствует над догмами веры. Русские в концепции «официальной народности» представлялись не как этнос, а как группа, в которой объединяющей считалась безграничная преданность монархам. Российская история впервые стала исключительно значимым инструментом легитимации монархии: «Российские государственные институты представляли освященными историей и, соответственно, не подлежали суду с позиций западной мысли или западного политического опыта» [2, с. 238].

Декорирование монархии «русской самобытностью» было также одним из способов доказательства ее национальной сущности. В этом же ключе можно рассматривать и интерес государства к национальной истории, и его заботу о сохранении национального культурного наследия: оказание предпочтения русскому стилю в архитектуре, музыке, живописи. Посредством этих атрибутов европейскому, имперскому содержанию самодержавия придавалась национальная форма — «русский облик» [8, с. 102—108; 9, с. 110—136]. Российское государство с помощью культурного наследия восстанавливало — «конструировало» — национальное прошлое в соответствии с *доктриной официальной народности*. Следует отметить, что в этот период сомнения в истинности соответствующих постулатов, выдвижение альтернативных версий рассматривались как угроза национальной идее.

Национальное культурное наследие, маркированное как «русская старина», играло особую инструментальную роль в новой, национальной легитимации монархии и в построении нового — «отредактированного» в соответствии с доктриной официальной народности — образа монарха. Посещая Москву, древнюю столицу с ее древними храмами, государь подчеркивал преемственность Московской Руси, символически вписывал себя в череду московских царей, восстанавливал линейность истории государства — от национального прошлого к настоящему и будущему. После революционных событий 1848 г. поездки императора в Москву демонстрировали его любовь к народу, верность национальным религиозным традициям. Даже постройка нового Кремлевского дворца в соответствии с требованиями европейского архитектурного стиля должна была рассматриваться как верность национальным традициям. Историк М. П. Погодин писал [10, с. 234—235, 238], что царь, покидая новый Кремлевский дворец после освящения его стен, являл собой воплощение единства национальной, исконно русской формы и европейского содержания. «Разве русский царь и европейский император — два лица? Нет — одно! От Владимирской залы [нового Кремлевского дворца] только два шага до Грановитой палаты и Красного крыльца. Отвори он [Николай] дверь к народу еще менее, открой окно царя Алексея Михайловича, и вся Москва, а с ней вся Россия его увидит, услышит и ответит: европейский император опять русский царь» (приводится по: [3, с. 512]).

В правление Николая I забота о новом, национально-православном имидже монархии выразилась и в особом внимании к объектам культурного наследия церкви, церковным древностям.

31 декабря 1826 г. вышел именной указ монарха, предписывающий гражданским губернаторам доставлять «сведения об остатках древних зданий в городах и о воспрещении разрушать оные» [11]. В силу именного указа 7 января 1827 г. Министерство внутренних дел направило обер-прокурору Синода требование «дать приличные подведомственным местам и лицам предписания как о воспрещении разрушать» древние здания [12]. Новый подход к эксплуатации и охране церковного культурного наследия нашел свое отражение и в строительных уставах.

Монарх указал высшей духовной власти на проблему сохранения ценнейших предметов церковных ризниц. В письме императора митрополиту Филарету самодержец выражал обеспокоенность отсутствием в московских монастырях описей церковного имущества, «от чего многое драгоценное по древности и исторической ценности пропадает». Император поручил Филарету лично прибыть в Москву и проверить эти опасения, «и ежели, к крайнему стыду и сожалению, окажется, что сих описей нет, то немедля распорядиться завести шнуровые книги за печатью митрополита» [13, с. 274]. Опасения императора не подтвердились, тем не менее они не были беспочвенными, поэтому митрополит Московский издал в марте 1853 г. *высочайше одобренное* предложение «Об усовершенствовании способов сохранности в церквях и монастырях церковных и различных вещей, древностей и библиотек, с приложением форм церковной и ризничной описи такого-то монастыря». Предложение митрополита было отпечатано и направлено в епархии для ознакомления и исполнения [14].

В период царствования Александра II доктрина официальной народности не утратила своего значения

в репрезентации государственной власти. Даже реформы интерпретировались как выражение богоподобной милости императора к его народу.

В царствование Александра III в политике нациестроительства произошли значительные изменения. 29 апреля 1881 г. был издан Манифест, предлагавший новый образ самодержавной власти, новое понимание исторического пути России [15]. В Манифесте от 29 апреля 1881 г. *рождение русской нации связывалось с восстановлением монархической власти после Смутного времени*. Автором проекта текста, избранного Александром III, был К. П. Победоносцев. Исследователь О. Майорова [16] обратила внимание на следующее немаловажное обстоятельство: в черновике Манифеста слова «*время верховного правления*» были переправлены Победоносцевым на «*Священный долг Самодержавного правления*». Тем самым автор текста Манифеста особо акцентировал внимание на божественной санкционированности абсолютизма в России. Преданность народа престолу перестала означать признательность за благодеяния монарха, как при Александре II. Теперь национальное единство рассматривалось сквозь призму православия: «горячие молитвы благочестивого народа, во всем свете известного любовью и преданностью своим государям» [17, с. 43], являли народное благословение монарху.

В риторике новой государственной идеологии понятия «*Российское государство*» или «*Российская империя*» уступили место ключевому понятию «*земля русская*». При этом линейность, поступательность традиции государственности отрицались. Они были заменены идеализацией далекого прошлого: «идеальным» временем согласия царя и народа стал считаться XVII в., при умалении исторического значения XVIII и XIX вв.

Согласно новой историцистской концепции, царь осуществляет власть «с верою в силу и истину Самодержавной власти, которую мы признаны утверждать и охранять для блага народа от всяких на нее посползновений» [15], поскольку «глас Божий» призвал царя «стать бодро на дело Правления, в уповании на Божественный Промысел» [15]. Новый образ самодержавия — твердая, бодрая, энергичная власть, незыблемость которой обеспечивается верой в Бога и молитвами народа.

«Эта модель была ориентирована на вечное наследие, не тронутое историческими изменениями» [2, с. 238]. Образ русского императора в ней понимался как квинтэссенция всего национального (традиций, устоев), государю отводилась роль проводника, воля которого поможет вернуться к истинно русским формам политической и духовной жизни. Отныне почитание и преклонение перед монархом подразумевало перемещение к иному историческому времени — к XVII в., когда русский царь был неотделим от своего народа. Уже после смерти Александра III в 1894 г. «Московские ведомости» писали о периоде его царствования как о новой эре русской государственности — «периоде русского». Он был назван «великим нравственным собирателем земли русской», его сравнивали с московскими князьями. Он возродил «русское самодержавие», которое установилось в Московской Руси, когда заимствованная у Византии концепция абсолютной власти приобрела особые русские черты [18, с. 175, 286]. Тем самым роль интеллигенции и государственного аппарата в посредничестве между властью и народом занижалась, нивелировалось также значение реформ, политической модернизации.

Уже в первые месяцы правления Александр III действовал не как император, а как настоящий царь, поскольку

стремился создать образ исконно русского монарха, истинного выразителя духа русского народа. Он демонстрировал подданным безыскусную простоту поведения, избегая светских церемоний, чуждаясь образованной элиты.

Новая концепция народности помещала государственность в новый хромотоп, единственным незыблемым символическим центром государственности стала Москва [19]. Несмотря на то, что в конце XIX в. Москва была торговым и промышленным центром, столицей интеллигентского либерализма, Кремль и Красная площадь были выдвинуты на первый план в символике государства как «хранившие память» об идеализированном прошлом Московского царства. Уже через полгода после воцарения, в 1881 г., император объявил о желании посетить Москву, заявив: «Москва всегда служила примером для всей России. Надеюсь, и впредь так будет. Как прежде Москва свидетельствовала, так и теперь свидетельствует, что в России Царь и народ — составляют одно крепкое единоедушное целое» [20, с. 102]. Церемония коронации в 1883 г., по словам самого императора, доказала «всей изумленной и испорченной нравственно Европе, что Россия — та же самая, святая православная Россия, каковой она была и при царях московских, и каковой, дай Бог, она останется вечно!» [21].

Символическая значимость периода Московской Руси выражалась также в возрождении символической роли Православной церкви. Причем новая концепция не только акцентировала традиционную роль церкви как духовной основы российской государственности, но и приписывала ей новую функцию — осуществление молитвенного посредничества между богопризванным царем и благодарным ему русским народом. По сути, на церковь

была возложена часть функций государственного аппарата. Святейший Синод поощрял распространение религиозной литературы, создание церковноприходских школ и строительство церковных зданий; он также разрешил пасторское движение в среде «белого духовенства».

Историцистская схема русского религиозно-государственного прошлого особенно активно поддерживалась в периоды празднования церковных юбилеев, призванных проиллюстрировать значение православия в национальной идее — образной конструкции Российского государства. В царствование Александра III юбилейными торжествами было отмечено семнадцать значимых событий в истории русской церкви, в том числе пятисотлетие иконы Тихвинской Божьей Матери. В дни торжеств устраивались многолюдные крестные ходы, в которых широко использовались иконы и прочие предметы — носители религиозных, историко-культурных и политических смыслов: костюмы, кресты, хоругви и т. д.

В качестве символа новой, православной московской монархии широко использовались объекты древней русской архитектуры. Особое внимание было уделено сохранению древних церквей. Воздвигались и новые церкви в *московском стиле*, декоративные и символические элементы использовались в целях возрождения древнемосковской государственности. Так, церковь Воскресения Христова на Крови в Петербурге была построена в стиле «времен московских царей XVII века» [22]. Оберпрокурор Синода в 1890 г. утверждал, что государь лично оценивал чертежи проектируемых церквей и «охотно одобрял те проекты, которые воспроизводили русскую церковную старину» [23, с. 76].

В новой русской эстетике церковного зодчества утверждалась тема воскресения, она стала центральной

в государственной мифологии периода царствования Александра III. Как показал Майкл Флайер, «тема воскресения подразумевала, с одной стороны, воскресение российской монархии, с другой — решимость положить конец иностранному посредничеству в духовной сфере, преодолеть вторичность русской религиозной доктрины и отождествить Россию с самим истоком христианства» [24, с. 33—34]. Профессор Р. Вортман очень точно характеризует «архитектурный вызов», брошенный просвещенной монархии XVIII в.: «Множество церквей в русском стиле, выросших в Петербурге в последующие десятилетия, возводились на особенно выгодных для обозрения местах в качестве наглядного поучения народу. Церковные здания становились инструментом визуальной провокации — знаком отвержения эстетических и даже философских и духовных основ российского самодержавия со времен Петра Великого» [2, с. 242]. **Церкви в русском стиле** возводились в губернских и уездных городах, а также на национальных окраинах Российской империи. «Органические мотивы в храмовом зодчестве — пузатые луковицы куполов, изукрашенные цветами кокошники, кички и ширинки, как грибы, осыпали стены церквей, бросая вызов не только упорядоченному и сдержанному неоклассицизму, но даже сменившему его эклектическому стилю» [2, с. 242]. Отметим: из более чем 20 церквей в русском стиле, возведенных в Петербурге в 1881—1914 гг., после 1917 г. не меньше 18 было разрушено или обезображено [25, с. 31—39; 26].

Символика *московского дискурса*¹ имела еще одну специфическую особенность: она позволяла не отождествлять

¹ Как противоположность западно-ориентированному, имперскому, просвещенческому дискурсу Санкт-Петербурга.

монарха с административным аппаратом государства как системой управления обществом, а также с такими институтами, как право, порядок. Царь олицетворял не государственный аппарат, а нацию как социокультурный и политический феномен, история которого уходила вглубь веков. Поэтому основным инструментом поддержания единения монарха с нацией выступала церковь, всячески укрепляющая авторитет царя.

Революционные события 1905—1907 гг. вызвали потребность верховной власти в новой историцистской схеме, символически легитимирующей самодержавную власть. Революционные преобразования изменили не только внешнюю форму, но и внутреннюю сущность российского самодержавия. Ограничение монархии, введение в политическую систему элементов представительской демократии обусловили необходимость поиска дополнительных оснований легитимности самодержавия. Именно в этот период впервые была опробована схема «народной монархии», в рамках которой власть самодержца презентовалась как имеющая два истока: народный и сакральный (божественный).

Однако в репрезентации образа монарха ставка была сделана в первую очередь на народную составляющую. На торжествах по случаю исторически значимых юбилеев: 200-летия Полтавской битвы в июне 1909 г., 100-летия Бородинского сражения в августе 1912 г., 300-летия царствования дома Романовых в 1913 г. — царь был представлен как воплощение истинно народной монархии и лидер нации. Все элементы, присущие схеме «народной монархии» в символически-информационном пространстве, были объединены идеей создания образа всенародного, национального и демократизированного

самодержца, спустившегося для общения к своему народу более близко, чем кто-либо из его предшественников. Кампания по трансляции этого образа достигла пика в 1913 г., во время празднования 300-летия царствования дома Романовых. Обстановка церемоний, статьи в прессе, фильмы, сувенирная продукция (марки, открытки, юбилейные монеты), — все это должно было служить идее близости государя к народу, причем близости в самом прямом, непосредственном выражении. Эта первая в истории русской власти полноценная PR-кампания с участием средств массовой информации, фотографии, кинопроизводства и перенесла образ русского царя «на рыночную площадь», в «потребительскую культуру» [27], по выражению Р. Вортмана. Ученый отметил также: «Изображение императора украшало материальные объекты, связывая его образ с областью мирского. Но <...> многие из тех, кто с пиететом относился к царю, ощущали, что новые формы репрезентации подрывали достоинство государя, делая его более похожим на правителей и лидеров западных правительств» [27, с. 78]. В этой кампании *сакральная* сторона образа была проработана в меньшей степени. Имело место небрежение даже к таким сакрализованным символам русской государственности предшествующей эпохи, как шапка Мономаха.

К празднованию 300-летия царствования дома Романовых была выпущена памятная медаль. Реверс монеты украшало изображение бюста царствующего императора Николая II, отметим, с непокрытой головой, а также Михаила Романова — в шапке Мономаха. Декоративное решение медали вызвало бурные споры, причем в них преобладала критика. Так, А. И. Спиридович, начальник дворцовой охраны, писал, что «медаль была настолько уродлива, насколько

было возможно, и в изумлении задавался вопрос, как наш монетный двор мог отчеканить подобную медаль по случаю столь памятной годовщины» [28, с. 320].

В презентации образа царя и царской семьи для массовой аудитории впервые в истории России был использован кинематограф. Кинематограф позволял распространять сцены повседневной жизни царской семьи, юбилейные торжества, официальные церемонии на тех представителей публики, которые не имели возможности увидеть государя лично, не могли читать о его жизни и работе в газетах (из-за неграмотности или дороговизны), но искренне желали лицезреть *народного монарха*².

Следует отметить, что на кинолентке было запечатлено участие Николая II и его семьи в торжествах и церемониях как светского, так и религиозного характера: это и церемонии по поводу спуска военных кораблей на воду, военные парады, это и церковные службы по случаю дня рождения. Такая мозаичная презентация предполагала сопряжение в образе царя сакральной и народной природы. Однако популяризация имела обратный эффект, поскольку привела к опрошению образа самодержца и даже к некоторой компрометации монархии в глазах образованных сословий и духовенства.

Так, к празднованию 300-летия династии Романовых было создано несколько исторических фильмов: «Воцарение Дома Романовых. 1613—1913» А. Ханжонкова и «Трехсотлетие царствующего Дома Романовых. Исторические картины. 1613—1913» А. Дранкова. Их формат, как пишет Р. Вортман, «соответствовал

² Придворные цензоры свободно давали разрешение на съемку церемоний с участием царя, несмотря на то, что запрет на показ фильмов об императорской семье оставался в силе вплоть до 1910 г. (см.: [29, с. 158—159]; о цензуре и фильмах см.: [27; 30, с. 76—77]).

структуре лубочной литературы: актер принимал традиционные для лубка героические позы, чтобы проиллюстрировать конкретное историческое событие» [27, с. 80]. Авторы лубочных текстов сочиняли и сценарии для исторических фильмов [31, с. 114—118]. Таким образом, фильмы задумывались с расчетом на самую широкую аудиторию, но были нацелены скорее на популяризацию, чем на сакрализацию образа царя. Поэтому одним из полученных эффектов стала десакрализация, сопровождавшаяся возмущением некоторых консервативно настроенных представителей критики и публики, уловивших в работе режиссеров отсутствие традиционного почтения к памятникам церковной старины и лицам, признанным святыми. Так, князь Кудашев критиковал изображение сцены осады Троицкого монастыря в фильме А. Ханжонкова. Его религиозные чувства были оскорблены тем, что «место, которое как святыня, дорого народу <...> обращено в декорацию для разыгрываемой картины» [32].

Несмотря на резкую тональность консерватизма такого рода оценок, следует отметить, что критики исторических фильмов и другой продукции, призванной сделать образ царя «близким и понятным народу», очень точно обратили внимание на следующее обстоятельство: благодаря кампании 1913 г., «рекламировавшей» монархию и образ «народного самодержавия», историко-церковное наследие впервые стало объектом массовой культуры. Именно это обстоятельство наложило отпечаток китча на весь репрезентативный эффект от кампании.

Сословия, традиционно ответственные в России за поступательное развитие социокультурного процесса, за сохранность исторической памяти и кумуляцию традиций, выражали обеспокоенность излишним китчевым опрощением образа

государя. Особенно яростной критике подверглась идея о выпуске подлежащих погашению почтовых марок с портретами русских царей. Акция имела непосредственное отношение к личностным, человеческим качествам государя, увлеченного коллекционированием марок. Однако духовенство, сторонники сакрального направления позиционирования монархии были возмущены тем, что «царские портреты обязательно пачкаются почтовым штемпелем, как будто ради вящего над нами поругания» [33]. Кроме того, епископ Никон обратил внимание на то, что рядом с портретами царей указывалась номинальная стоимость марок, что не соотносилось с богоданностью самого государя.

В конечном итоге в кампании по презентации образа Николая II как народного монарха подчеркивание сакральных истоков власти, которое должно было вызвать архаизацию образа монархии, византизацию самодержавия, плохо сочеталось с идеями приближения государя к подданным, налаживания «прямого контакта» с народом. Заметим, что реальная, непосредственная связь народных и сакральных истоков власти возможна только в символическом пространстве. В основе идеи «народной монархии» может лежать только виртуальная, символическая связь сакрального и народного, а режиму последнего российского самодержца не доставало символических ресурсов, средств и инструментов для сопряжения того, что несовместимо в политической практике. Более того, инновационная по своей сути PR-кампания 1913 г. подчинила идею сакральности идее народности. В результате была опрощена, инкорпорирована в китч вся сакральная компонента идеология народной монархии, а также ее составляющие, в том числе церковное наследие.

Власть Временного правительства и по форме оказалась временной, поскольку принуждение приводило к временной покорности, и по содержанию — случайной, самозванной, не связанной с сущностью, «душой» российской власти. Однако большевики сделали ставку на овладение именно субстанцией власти, на политику диктатуры, необходимость гражданской войны. Причем на протяжении всего своего существования — с 1917 до 1991 г. — советская власть, переняв опыт российского самодержавия, находилась в поиске таких историцистских схем, моделей, в конструкции которых как можно менее противоречиво сочетались бы различные начала, обоснования ее легитимности. Немаловажную роль в трансляции конструируемых образов власти всегда играло культурное наследие.

Литература

1. *Hobsbawm E. J.* Nations and Nationalism since 1780: Programme, Myth, Reality. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. 206 p.
2. *Вортман Р.* «Официальная народность» и национальный миф российской монархии XIX века // РОССИЯ/RUSSIA. Вып. 3 (11): Культурные практики в идеологической перспективе: Россия, XVIII — начало XX века. М.: О. Г. И., 1999. С. 233—244.
3. *Вортман Р.* Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1: От Петра Великого до смерти Николая I. М.: О. Г. И., 2002. 607 с.: ил. (Материалы и исследования по истории русской культуры; вып. 8).
4. *Кюстин А. де.* Россия в 1839 году. М.: [Б. и.], 1996. 528 с.: портр.
5. *Hobsbawm E.* Mass-Producing Traditions: Europe, 1870—1914 // The Invention of Tradition / Eric Hobsbawm, Terence Ranger (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 1992. P. 263—307.
6. *Погодин М. П.* Историко-критические отрывки. Кн. 1. М.: Типография Августа Семена, 1846. 427 с.
7. *Уваров С. С.* Десятилетие Министерства народного просвещения, 1833—1843. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1864. VI, 161 с.
8. *Борисова Е. А.* Русская архитектура второй половины XIX века. М.: Наука, 1979. 319 с.: ил.
9. *Кириченко Е. И.* Русский стиль. Поиски выражения национальной самобытности. Народность и национальность. Традиции древнерусского и народного искусства в русском искусстве XVIII — начала XX века. М.: Галарт, 1997. 432 с.: ил.
10. *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 10. СПб.: Погодин и Стасюлевич, 1896. XV, 583 с.
11. Указ именной, объявленный гражданским губернаторам управляющим Министерством внутренних дел «О доставлении сведений об остатках древних зданий в городах и о воспрещении разрушать оные» от 31 декабря 1826 г. № 794 // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. Т. 1: с 12 декабря 1825 по 1827. СПб.: Тип. 2-го Отд. Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1830. С. 1373—1374.
12. 1827 г. января 7. Отношение управляющего Министерством внутренних дел к обер-прокурору св. Синода с просьбой направить распоряжения о воспрещении разрушать древние здания. № 55 // Сохранение памятников церковной старины в России XVIII — начала XX вв.: сб. документов / В. С. Дедюхина и др. М.: Отечество, 1997. С. 68—69.
13. *Покровский Н. В.* О мерах к сохранению памятников церковной старины // Новгородский исторический сборник. Вып. 7 (17). СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 267—286.
14. 1853 г. март. Высочайше одобренные предположения синодального члена преосвященного митрополита Московского Филарета о усовершенствовании способов сохранности в церквах и монастырях церковных и ризничных вещей, древностей и библиотек, с приложением форм церковной и ризничной описи такого-то монастыря. № 70 // Сохранение памятников церковной старины в России XVIII — начала XX вв.: сб. документов / В. С. Дедюхина и др. М.: Отечество, 1997. С. 86—90.
15. Манифест о незыблемости самодержавия — Высочайший Манифест Александра III от 29 апреля (11 мая) 1881 года «О призыве всех верных подданных к служению верою и правдою Его Императорскому Величеству и Государству, к искоренению гнусной крамолы, к утверждению веры и нравственности, доброму воспитанию детей, к истреблению неправды и хищения, к водворению порядка и правды в действии учреждений России» // Правительственный Вестник. 1881. № 93. 30 апреля (12 мая). С. 1.
16. *Майорова О. Е.* Митрополит московский Филарет в общественном сознании конца XIX века // Лотмановский сборник. [Т.] 2. М.: О. Г. И.: РГУ, 1997. С. 615—638.
17. Константин Петрович Победоносцев и его корреспонденты: в 2 т. Минск: Харвест, 2003. Т. 1. 447 с. (Воспоминания. Мемуары).

18. Памяти императора Александра III: Сборник «Московских Ведомостей» (известия, статьи, перепечатки) / Изд. С. Петровского. М.: Университ. тип., 1894. 400 с.
19. *Wortman R.* Moscow and Petersburg: The Problem of Political Center in Tsarist Russia, 1881—1914 // *Rites of Power: Symbolism, Ritual and Politics Since the Middle Ages* / Ed. by S. Wilentz. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1999. P. 244—274.
20. Всемирная иллюстрация. Т. 26. 1881. № 656. С. 96—122.
21. ГАРФ. Ф. 642, оп. 1, д. 709 (Лесков), л. 24—25. Письмо от 16 мая 1884 г.
22. *Парланд А. А.* Храм Воскресения Христова, сооруженный на месте смертельного поранения в Бозе почившего императора Александра II на Екатерининском канале в Санкт-Петербурге // *Московские Ведомости* (9 апреля 1882 г.). СПб., 1909. С. 2.
23. *Полунов А. Ю.* Под властью обер-прокурора: Государство и церковь в эпоху Александра III. М.: Аиро-XX, 1996. 141 с.
24. *Flier M. S.* The Church of the Savior on the Blood: Projection, Rejection, Resurrection // *Christianity and the Eastern Slavs. Vol. 2: Russian Culture in Modern Times* / Ed. by R. P. Hughes, I. A. Paperno. Berkeley, CA; Los Angeles; London: University of California Press, 1994. P. 25—43.
25. Утраченные памятники архитектуры Петербурга — Ленинграда: каталог выставки. Л.: Художник РСФСР, 1988. 48 с.
26. *Шульц С. С.* Храмы Санкт-Петербурга: История и современность / Под науч. ред. М. В. Шкаровского. СПб.: Глаголь, 1994. 320 с.
27. *Вортман Р.* Николай II и популяризация его образа в 1913 году // *Новое литературное обозрение*. 1999. № 4 (38). С. 78—97.
28. *Spiridovitch A.* Les dernières années de la cour de Tzarskoïe-Selo. Vol. 2. Paris: Payot, 1929. 485 p.
29. *Цивьян Ю. Г.* Историческая рецепция кино: кинематограф в России, 1896—1930. Рига: Зинатне, 1991. 492 с.
30. *Tsivian Yu.* Censure Bans on Religious Subjects in Russian Films // *Une invention du diable? Cinéma des premiers temps et religion = An Invention of the Devil? Religion and Early Cinema* / Ed. by R. Cosandey, A. Gaudreault, T. Gunning. Sainte-Foy: Les presses de l'Université Laval; Lausanne: Payot Lausanne, 1992. P. 71—80.
31. *Гинзбург С. С.* Кинематография дореволюционной России. М.: Искусство, 1963. 406 с.
32. *Московские Ведомости*. 1913. 03 марта. С. 1.
33. *Никон (Рождественский).* Вера Христова не терпит двоедушия // *Церковные Ведомости*. 1913. 09 февраля.

Растимешина Татьяна Владимировна — доктор политических наук, профессор кафедры философии, социологии и политологии (ФСИП) МИЭТ.
E-mail: rast-v2012@yandex.ru